

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.1>

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА (2001–2025 гг.): ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА

Каринэ Размиковна Амбарцумян^{1*}, Ирина Александровна Краснова²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доцент
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Доктор исторических наук, профессор
gorward_@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Предлагаемая тема актуализируется двумя теоретическими аспектами, затрагивающими трансформацию мирового порядка. Во-первых, в наши дни популярность имеет подход А. Ачарьи, согласно которому мир движется к регионализированной организации международных отношений (правительственных и неправительственных). Во-вторых, в состоянии неопределенности пребывают традиционные международные организации. В таком случае перспективы их развития и сохранение устойчивости связаны с адаптацией к новым реалиям. В 2026 г. Шанхайская организация сотрудничества отмечает 25-летний юбилей, который стал поводом обратиться к отдельным аспектам её истории. **Материалы и методы.** В основе исследования лежит историко-генетический метод и теория нового регионализма Б. Хеттне и Ф. Содербаума. Источниковая база сформирована документами ШОС, материалами СМИ, данными дайджеста Фонда Росконгресс, заявлениями политиков. **Анализ.** Эволюция ШОС с 2001 г. связана с процессом расширения и изменения функциональной направленности. Организация была сфокусирована на проблемах региональной безопасности, тогда как сейчас фокус сместился на экономические отношения, логистику и финансовую независимость. География организации стала обширнее за счет Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси, что повышает геополитический статус ШОС, но при этом создает новые сложности. Центральная Азия остается основным регионом, однако действовать и согласовывать политику ШОС приходится в новых пространственных рамках. Поэтому для Китая оказалось функциональнее начать строить отношения с республиками Цен-

тральной Азии через стратегический формат «Китай – Центральная Азия». **Результаты.** Количественные и качественные изменения ШОС, случившиеся с 2001 г. вывели вопрос лидерства в организации на новый уровень. Одной из возможных моделей для России и Китая в этих условиях может стать асимметричное лидерство, возможности которого требуют тщательного изучения.

Ключевые слова: история ШОС, регионализация, региональное лидерство, Центральная Азия, история международных отношений

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Краснова И. А. Шанхайская организация сотрудничества (2001–2025 гг.): особенности регионализации и проблема лидерства. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 190–198. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.1>

Конфликт интересов: доктор исторических наук, доцент К. Р. Амбарцумян является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования», доктор исторических наук, профессор И. А. Краснова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 12.04.2026

Статья одобрена после рецензирования: 06.04.2026

Статья принята к публикации: 01.06.2026.

Research article

SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (2001–2025): FEATURES OF REGIONALIZATION AND LEADERSHIP ISSUES

Karine R. Ambartsumyan^{1*}, Irina A. Krasnova²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Associate Professor
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Dr. Sc. (History), Professor
gorward_@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article deals with two theoretical aspects concerning transformation of world order. First of all, Amitav Acharya's attitude implies new order of world politics with regional order of intergovernmental and non-governmental ties. Secondly, traditional international organizations tend to have unclear prospect due to turbulency of changes. Consequently, their future and sustainable development depend on adjustment to new conditions. In 2026, the Shanghai Coopera-

tion Organization (SCO) celebrates its 25th anniversary, which has become an opportunity to examine certain aspects of its history. **Materials and methods.** The historical and genetic method and the theory of new regionalism by B. Hettne and F. Soderbaum have been implemented in the research. The source base is formed by SCO documents, media materials, data from the Roscongress Foundation digest, and statements by politicians. **Analysis.** Since 2001 SCO evolution has been associat-

© Амбарцумян К. Р., Краснова И. А., 2026

ed with the process of expansion and change in functional focus. The organization was focused on regional security issues, whereas now the focus has shifted to economic relations, logistics and financial independence. SCO geography has been widened with India, Pakistan, Iran and Belarus accession. New participants have made the geopolitical rank of the organization higher but also have created new complexities. Central Asia remains the core region, but the SCO must act and coordinate its policies within a new spatial framework. Therefore, it turned out to be more functional for China to begin building relations with the Central Asian republics through the strategic China - Central Asia format. **Results.** Since 2001 the novelties in quantity and quality shifts have raised the issue of leadership within the organization to a new level. One possible model for Russia and China under these circumstances could be asymmetrical leadership, the potential of which requires careful study.

Keywords: history of the SCO, regionalization, regional leadership, Central Asia, international relations history

Введение. Прежде чем проследить, как развивалась история Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в связи с эволюцией ее регионального охвата, стоит пунктирно наметить теоретические вопросы, имеющие отношение к заявленной теме.

Во-первых, одной из ключевых проблем современного мирового устройства является лидерство не только на глобальном, но и на региональном уровне. С конца 1980-х в мире наблюдается рост различных форм регионализма и регионалистских проектов. Поэтому регионализм не может считаться новым трендом, он давно и однозначно лежит в основе глобальных трансформаций и определяет нарождающийся мировой порядок, который различные исследователи определяют, в том числе, исходя из проблемы глобального и регионального лидерства. Так, Амитав Ачарья расценивает регионализм как ключевой результат формирования новой архитектуры международных отношений. Он полагает, что наступает не многополярный в общепринятом смысле мир, ни биполярный и ни синоцентрический. Нарождающийся мировой порядок представляет собой постгегемонистскую реальность без очевидной доминирующей страны, блока или идеологии [24]. Наметившиеся контуры предполагают регионализированный мировой порядок, который включает не только привычные Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Европейский Союз (ЕС). Глобальное управление в мультиплексном мире становится более плюралистичным в связи с возникновением региональных и многосторонних институтов, а также различных форм гибридных соглашений между государственными и негосударственными акторами [24]. Однако в новых исторических и геополитических условиях возникают сложности, так как рост центров силы и влияния в мире и в регионах сопровождается не только кооперацией, но и соперничеством. Проблема лидерства имеет значение в Евразийском регионе, в котором присутствуют Россия, Китай и Европейский союз. Последний действует в пределах всего евразийского пространства, в

For citation: Ambartsumyan KR, Krasnova IA. Shanghai Cooperation Organization (2001 – 2025): features of regionalization and leadership issues. Humanities and law research. 2026;13(2):190-198. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.1>

Conflict of interest: KR Ambartsumyan, Dr. Sc. (History), Associate Professor, is the executive secretary of journal "Humanities and law research". IA Krasnova, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 12.04.2026

The article was approved after reviewing: 06.04.2026

The article was accepted for publication: 01.06.2026.

том числе в зоне ШОС. Например, с 2007 г., когда были обозначены первые цели в регионе Центральной Азии в стратегии «Европейский союз и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» произошел существенный сдвиг в сторону усиления экономических и инфраструктурных проектов, и сформировалось более четкое видение перспектив сотрудничества. В 2018 г. Европейский союз обнародовал новую Стратегию по экономическому сопряжению с азиатским регионом (Connecting Europe & Asia: The EU Strategy) [26]. В декабре 2021 г. была запущена европейская стратегия «Глобальные ворота», которая призвана усилить геополитический вес Европы в мире, в том числе в Евразии. Имея серьезные интересы в Центральной Азии, в 2024 г. на Форуме инвесторов Global Gateway, по транспортному сообщению, между ЕС и Центральной Азией, было объявлено о намерении Евросоюза выделить 10 миллиардов евро на реализацию проекта Транскаспийского торгового коридора [18]. На 2026 г. на эти цели уже направлено 2,5 миллиардов евро [11]. Что касается ШОС, которая предполагает в своей основе регион Центральной Азии, то для ЕС – это конкурирующий проект и отношения с ней представлены просто рабочими контактами.

Во-вторых, в новой мирополитической реальности присутствует момент неопределенности в дальнейшей судьбе международных организаций. Однако не все аналитики настроены так пессимистично. На сайте Каталонского института глобальных исследований политолог Жофре Рокаберт представил развернутый анализ возможных изменений [34]. Он полагает, что ключевые проблемы, которые породили создание международных организаций никуда не исчезнут, равно как и необходимость координировать действия государств. Поэтому дешевле реформировать старые, чем создавать новые институты. ШОС приводится как раз в качестве позитивного примера организации, которой в нынешних условиях не надо доказывать свою актуальность. В 2026 г. уже трудно оспаривать

целесообразность существования региональных институтов сотрудничества.

Сегодня мы являемся свидетелями «децентрализованного глобализма», когда новая конфигурация собирается через консолидацию отдельных государств или групп государств, которые берут на себя роль лидера в отдельных макрорегионах [20, с.120]. Однако следует понимать, что процесс этот идет достаточно давно и он не линеен. История ШОС демонстрирует, как сложно определить вектор развития региональной организации, ее пространственные пределы и лидеров.

Истории ШОС посвящен огромный массив литературы в области политологии и международных отношений. Традиционно выходом отдельных изданий отмечаются юбилеи организации. Коллективная монография «ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС)» была выпущена в Москве в 2011 году. Научное издание стало результатом совместного проекта Института востоковедения РАН и Института Ближнего Востока [23]. Одним из заметных исследований является монография генерального секретаря ШОС Р. К. Алимова, который обобщил 15-летний опыт существования региональной организации [1]. 20-летний период работы ШОС представил в своей статье Д. В. Малышев, который подчеркивает необходимость изучения опыта «шанхайского духа» для понимания современных международных отношений [16]. 25-летний юбилей ШОС становится поводом еще раз проследить ее эволюцию, так как Тяньцзиньская декларация, принятая в 2025 г. содержит в себе положения, сильно меняющие перспективы и горизонты для развития. Принято решение о создании Банка развития ШОС, а статусы «наблюдатель» и «партнер по диалогу» объединены в один «партнер ШОС» [22].

Материалы и методы. Исследование проведено в междисциплинарном ключе. Изучение эволюции организации с 2001 г. обусловило привлечение историко-генетического метода, благодаря которому сформировано представление об изменении региональных установок ШОС и процессе её расширения. Для анализа особенностей региональной интеграции была привлечена теория нового регионализма Б. Хеттне и Ф. Содербаума, которые осмыслили регионализм на разных уровнях – политическом и социокультурном. Важно подчеркнуть то, что в данной парадигме общество не существует в отрыве от территории, соответственно эволюция ШОС рассмотрена с целью определить её пространственный охват в прошлом и настоящем. При этом авторами теории оговаривается возможность конструирования региона, что тоже имеет отношение к процессу развития изучаемой организации. Источниковую базу составили документы ШОС (хартии, декларации, совместные коммюнике), выступления и заявления по-

литиков, данные дайджеста Фонда Росконгресс, материалы российских и зарубежных СМИ.

Анализ. Шанхайская организация сотрудничества сформировалась на основе «шанхайской пятерки» (Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) и присоединившего к ним Узбекистана в 2001 г., когда была подписана соответствующая декларация. Регион Центральной Азии, не вошел целиком и Туркменистан не присоединился, так как с момента основания современной государственности он придерживается строгого нейтралитета в международных делах. Изначально в документе определен внеблоковый статус ШОС и в качестве приоритетных направлений деятельности указывались региональная безопасность и борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [9]. В 2000-е гг., т.е. первые годы существования организации, экспертами высказывалось опасение о неясности стратегии развития и возможного параллелизма с такими организациями как ОДКБ, СНГ и ЕврАзЭС [16, с.6]. Будучи продуктом уже новой, постбиполярной, эпохи, ШОС своими создателями активно дистанцировалась от статуса военного блока. Военные учения в первую очередь были нацелены на борьбу с террористической угрозой, не предполагали наступательного характера и не предусматривали коллективную оборону. С момента создания организации, её восприятие и позиционирование в мире изменились, сейчас ШОС – это площадка, альтернативная западным институтам [25].

Возникнув как механизм обеспечения взаимного доверия в военно-политической сфере и укрепления региональной безопасности, ШОС превратилась в многопрофильную организацию, взаимодействие в которой охватывает весь спектр отношений, в том числе и гуманитарных. В современном мире присутствуют различные формы регионализма, которые могут перекрывать и наслаиваться друг на друга. Часть регионального пространства охватываемого ШОС представлена постсоветскими государствами. В свою очередь география другой региональной организации – СНГ, включает в себя несколько институализированных проектов с перекрестным членством государств (ЕАЭС, СНГ, ШОС, ОДКБ). ШОС отличается иная представленность, в сравнении с такими структурами как ЕАЭС, ОДКБ и СНГ. Например, ЕАЭС создавался с перспективой евразийской интеграции, но, по сути, пока ограничивается постсоветским охватом, тогда как ШОС эволюционировала до евразийских масштабов, хотя изначально была сосредоточена на обеспечении безопасности в Центральной Азии. Однако по мере расширения организации, возрастает вариативность участников: культурная, экономическая, политическая, т.е. усиливается гетерогенность состава. Увеличение количества полноправных членов усилило неравномерность состава в размерах территорий, экономическом положении, ресурсах, демографии, геополитической ориентации. Кроме

того, усложнилось внутреннее оборонное сотрудничество.

Изначально ШОС расценивалась как платформа для кооперации России и Китая в регионе Центральной Азии. Данная форма взаимодействия была направлена на смягчение и деэскалацию конфликтов в регионе, на борьбу с такими угрозами безопасности как терроризм, сепаратизм и экстремизм [28]. Два государства, Россия и Китай, состоящие в ШОС, претендуют на лидерство в его макрорегиональном измерении: речь идет о Евразии. Вступление Индии, Пакистана (2017 г.) и Ирана (2023 г.) превратило структуру в крупнейшее региональное объединение по территории и численности населения, изменив существенно ее геополитический вес [8, с.25]. При таком расширении для России возникает сложность в сочетании постсоветского лидерства и активно искомого евразийского.

Для новых членов ШОС – формат важный, он существенно дополняет их возможности, но, безусловно, не приоритетный по значимости. Иран, который стал девятым полноправным участником организации, стремится к региональному влиянию на Ближнем Востоке. Несмотря на ограничения, Иран стал одной из ведущих держав в данном регионе и вступил в борьбу за влияние с Саудовской Аравией. Вступление в ШОС не сопровождалось и не может сопровождаться претензиями на лидерство в данной структуре. Это событие стало практической частью доктрины «взгляд на Восток», провозглашенной М. Ахмадинежадом с целью преодоления изоляции, что обширнее по целям, чем членство в ШОС. Для Индии зоной геополитических интересов является Южная Азия, кроме того, стоит вспомнить об исторически напряженных отношениях с Китаем. ШОС дает Индии возможность несколько улучшить отношения с Китаем, прояснить свои интересы в Центральной Азии, а также предоставляет относительно нейтральную площадку для общения с представителями Пакистана [34]. И Пакистан, и Индия через ШОС участвуют в евразийской политике, при этом сохраняют возможность плотного сотрудничества с западным миром. Так, Индия является участником стратегического форума Quad, который негласно называют «азиатским НАТО» и который встроен в Индо-Тихоокеанскую стратегию США. В отношениях (особенно экономических) Пакистана и США заметна положительная динамика, особенно они потеплели с момента начала второго президентства Д. Трампа. Вступление Индии и Пакистана в 2017 г. стало первым и пока самым большим расширением ШОС, но при этом, как показала более поздняя практика, их сложные отношения могут этот процесс и затормаживать. Свой геополитический конфликт они перенесли на площадку ШОС и в 2025 г. Индия заблокировала заявку на членство Азербайджана, который дружит с Исламабадом, а Пакистан – Армении, которая является союзником Нью-Дели.

Вступление Республики Беларусь еще больше увело от первоначальной региональной направленности ШОС, так как это европейское государство. Геополитический вес и популярность ШОС возросли, но при этом размылись четкие региональные пределы, которые она имела при создании. Сама по себе Центральная Азия рассматривалась изначально как опорный регион ШОС, но по мере расширения возрастает не только страновая, но и региональная и даже цивилизационная гетерогенность, что тоже требует от организации более высокой адаптивности. В какой-то степени процесс расширения снизил и историческую обусловленность ШОС, которая была связана с нахождением Центральной Азии в составе российской государственности в прошлом, и прохождением через регион Великого шелкового пути. Сейчас исторический багаж объемнее и сложнее в связи с ростом количества участников.

Обратимся к некоторым документам, которые лежат в основе функционирования ШОС. Изначально организация позиционировала себя как субрегиональная структура с охватом Центральной Азии, но в ходе эволюции изменила подход и с 2010 г. переклонила на более масштабное евразийское направление.

В самой Хартии Шанхайской организации сотрудничества, заключенной 6 июня 2002 г., закреплена региональная привязка без определения территориально-географических очертаний, но из состава её участников следует его центральноазиатская доминанта. В самом тексте 13 раз в разных контекстах упоминается термин «регион», но без наименования и конкретных контуров. В Положении о приеме новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества от 11 июня 2010 г. закреплён территориальный критерий членства и декларируется необходимость принадлежности к евроазиатскому региону [13]. В Астанинской декларации от 9 июня 2017 г., принятой после вхождения в состав организации Индии и Пакистана в качестве полноправных членов, прописаны направления региональной политики, но сам регион снова не конфигурируется, не определяется статус Центральной Азии и не декларируется приверженность евразийскому направлению. При этом подчеркивается региональное измерение и заявляется о создании «Форума глав регионов ШОС» [3], что задумано как углубление интеграции и направлено на активизацию механизма парадипломатии. Это уже заявка на некоторую институциональную глубину, которая присуща пока только Европейскому Союзу. Цель «формирования в Евразии пространства широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества» провозглашается в Бишкекской декларации от 14 июня 2019 г. [5]. В Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС 2021 г. Центральная Азия представлена как ядро ШОС [10]. В то же время повторим, что Туркменистан, который является

частью региона Центральной Азии, в ШОС не входит. В Совместном коммюнике по итогам двадцать четвертого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, датированном 19 ноября 2025 г. главы делегаций заявили о приверженности идее формирования Большого Евразийского партнерства (БЕП) [21], которое появляется в более ранних декларациях организации [3; 10; 19]. В декларации 2025 г., подписанной в Тяньцзине, используется формулировка «регион ШОС». В этой связи интересна мысль иранских ученых Э. Кулаи, М. Тишейар, высказанная в 2014 г. и отчасти опередившая время: «... Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в контексте «нового регионализма» стремится превратиться в «регион» [30]. При этом ШОС позиционируется как основа «для формирования архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии» и создания Большого Евразийского партнерства [22]. Безусловно, список документов ШОС обширнее и вышеприведенный анализ нельзя считать исчерпывающим. Однако его достаточно, чтобы понять сложности пространственной организации ШОС, в рамках которой идет наложение различных субрегионов Евразии. Кроме того, оторваться от системообразующей роли Центральной Азии пока не получается.

В 2024 г. Турция заявила о намерении стать членом ШОС. Об этом открыто заявил Р. Эрдоган, но никакой конкретики по срокам он свое заявление не сопровождал. При такой сложности определения региональных контуров и состоянии роста организации неизбежно возникает проблема лидерства. В случае с ШОС можно говорить о двух столпах ее несущей конструкции – это Россия и Китай. Несмотря на вступление новых участников, ШОС остается структурой для российско-китайского взаимодействия и, главным образом, в пределах Центральной Азии. Москва и Пекин, несмотря на высокий уровень отношений, используют ШОС, чтобы контролировать друг друга. Россия вносит большой вклад в политику безопасности ШОС на протяжении всего ее развития. Китай определяет экономические связи, в названии заявлен Шанхай, штаб-квартира находится в Пекине.

Концепция «Большого евразийского партнерства» предложена Россией еще в 2015 г., а другая большая концепция «Один пояс – один путь» (ОПОП) инициирована Китаем немного раньше, в 2013 г. С января 2015 г. функционирует ЕАЭС, который вывел на новый уровень отношения России, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Армении. Предполагалось, что региональные интеграции в рамках «Большой Евразии» не будут взаимоисключающими, скорее дополняющими друг друга. Разница заключается в том, что для Китая это всего лишь проект, а для России евразийская интеграция рассматри-

вается как вопрос полноценного существования [2, с.203]. На начальном этапе в связи с запуском ОПОП в китайских политических кругах возникла серьезная проблема, как увязать дальнейшее развитие ШОС с имплементацией проекта построения «экономического пространства Великого шелкового пути» [7]. Сейчас они не конкурируют и представляются рядом экспертов как взаимодополняющие. Однако есть некоторый дисбаланс, так как в рамках БЕП Китай выступает главным поставщиком высокотехнологичных товаров и комплектующих, Россия и страны Центральной Азии являются ключевыми экспортерами сырья и энергоносителей [6, с.15–16]. БЕП представляет собой сетку, наброшенную на несколько несущих конструкций евразийской интеграции, в то время как ОПОП имеет вполне прикладной инструментарий и уже трансрегиональное измерение. В целом понятие «Большой Евразии» подразумевало при первоначальной формулировке трансрегиональное сотрудничество, как минимум, в этот процесс предполагалось включить ШОС, ЕАЭС, АСЕАН. Китайские мегапроект и российская «Большая Евразия» ставят целью построение единого экономического пространства. ШОС рассматривается как одна из платформ для вовлечения стран в БЕП. В этой системе координат экономический перевес на стороне Китая: он вносит основной вклад в экспорт ШОС (в 2024 г. 3,5 триллионов из 4,58, на Россию пришлось 386 миллиардов), он же является главным поставщиком стран БЕП [6, с.13].

С конца 2000-х гг. стратегия Китая переориентирована на Евразию, а с 2022 г. геополитические горизонты расширились не только в связи с растущим экономическим влиянием, но и реально декларируемыми амбициями. К 2023 г. Си Цзиньпин выступил с продвижением трех новых дипломатических инициатив: Инициатива глобальной безопасности, Инициатива глобального развития, Инициативу глобальной цивилизации [30, р.8–9]. Символично то, что в 2025 г. на полях саммита ШОС в Тяньцзине Китай достроил триаду до четырех столпов и добавил Инициативу глобального управления. В таком случае государство стремится не только следовать правилам, но и формулировать их [31]. Сама ситуация, когда на саммите региональной структуры китайский лидер продемонстрировал глобальные амбиции уже симптоматична и требует отдельного осмысления применительно к тому, что это будет значить для развития ШОС. В этой связи большой интерес представляет доклад министра иностранных дел КНР Ван И на симпозиуме по международной ситуации и внешней политике Китая в 2025 г. где он, очерчивая перспективы глобальной политики Китая, определил намерения Китая «в своем регионе». Здесь акцент сделан на Азии, как центре глобального развития. И в этом региональном периметре Пе-

кин позиционирует себя как лидера в построении «дружелюбного, безопасного и процветающего соседства» в Азии, что сочетается с пониманием своей роли на глобальном уровне как «главного двигателя» в преодолении кризиса: «Мы подписали программы сотрудничества и планы действий со странами Южной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) и Центральной Азии, а наши прямые нефинансовые инвестиции в страны-партнеры инициативы «Один пояс, один путь» выросли более чем на 20 процентов в годовом исчислении» [32].

Что касается ядра ШОС, Центральной Азии, то здесь в оценке будущих перспектив регионального лидерства имеет значение наступление «новой эры» в отношениях между КНР и государствами региона в 2023 г. с подписанием Сианьской декларации. Россия в этом формате не участвует и многие из задач, которые декларировались при основании ШОС в вопросах безопасности, фиксируются в этом документе. Только они уже решаются в данном формате без участия России и предполагают адаптацию к новым нетрадиционным угрозам, таким как изменение климата, нехватка продовольствия, эпидемии, киберугрозы и т.д. [17]. Хотя символически документ апеллирует к инициативам и решениям, принятым в рамках ШОС (например, к «Самаркандской инициативе солидарности во имя общей безопасности и процветания» 2022 г.). В 2025 г. состоялся второй саммит «Китай-Центральная Азия». Отметим участие не входящего в ШОС Туркменистана, равно как и подписание им Сианьской декларации. Растущее экономическое влияние Евразии, таким образом, дает Китаю возможности действовать вне ШОС, в том числе выстраивать новые форматы с республиками Центральной Азии.

Проблема лидерства применительно к евразийскому масштабу региональной интеграции приобретает новое звучание. Евразия представляет собой сильно фрагментированное пространство в военно-политическом, экономическом и культурном смыслах. Российский политолог А. Кортунوف справедливо отмечает то, что такого понятия как «евразийская идентичность не существует» [14]. В обозримом будущем она вряд ли появится, так как Евразия представляет собой слишком гетерогенное социокультурное пространство. Даже мемориальные политики, применяемые к «региону ШОС», могут варьироваться и представлять собой конкурирующие стратегии и практики. Посмотрим на ядро проекта – Центральную Азию. Россия претендует на влияние в Центральной Азии и здесь сформировались собственные мемориальные практики и собственные мемориальные каноны. Турция внедряет идеи принадлежности к исламской и тюркской цивилизации. Китай развивает идеи паназиатской общности и обращается к истории Великого шелкового пути, и соединяет все это с

коммерческой прагматикой дня сегодняшнего. Российским агентам мемориальной дипломатии сложнее конкурировать с другими игроками. Китай активно конструирует систему ценностей «стран Шелкового пути», что соответствует его современной инициативе «Один пояс один путь». Специалисты отмечают, что она имеет ограниченное влияние, но Пекин от нее отказываться не собирается [27]. В зарубежных исследованиях стал активно использоваться термин «дипломатия наследия» (heritage diplomacy), под которым понимается использование материального и нематериального наследия для достижения стратегических целей во внешней политике. И вот сюда входит региональный брендинг, используя который Китай формирует представление о Центральной Азии как о значимой части Великого шелкового пути. Это важно в связи со сложным отношением к китайской политике, с опасениями по поводу возможного захвата земель и возникновения долговой зависимости. Наследие Великого шелкового пути стало одним из инструментов преодоления синофобии [12].

Одной из стратегий поведения региональных держав становится асимметричное лидерство, реализуя которое ведущее государство не стремится стать лидером во всех сферах, а усиливает свое влияние в отдельных направлениях и налаживает диалог с другой региональной державой. В современной литературе предлагается рассматривать варианты гетерохиического лидерства (то есть несколько проектов одновременно) или параллельного лидерства. В научной литературе по теории международных отношений пока нет систематического осмысления на эмпирическом уровне такого опыта достижения регионального лидерства сразу несколькими участниками интеграционного процесса. Возможно, российско-китайский кейс в рамках ШОС может быть проанализирован с использованием данных объяснительных моделей.

Результаты. Таким образом, с 2001 г. ШОС пережила определенные изменения не только количественные (число членов), но и качественные. Организация так и не стала сугубо военным блоком или экономическим союзом. При этом Москва и Пекин развивают ее как альтернативную западному влиянию, а также модель полицентричного мира. Изменились региональные амбиции и стратегии, которые определяются евразийскими пределами. При этом уйти от Центральной Азии как географического приоритета не удалось. Расширение (включение Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси) делает организацию более весомой, но при этом чрезмерно разнообразной по культуре, демографии, экономике, политике ее участников. В этой связи неименным остается лидерство России и Китая, которые были у самого основания ШОС. Привычные модели лидерства уже неприменимы в рамках данной организации, поэтому надо рас-

смагивать такие варианты, как например, тотальное превосходство, а превосходство в асимметричное лидерство, предполагающее не отдельных сферах.

Литература

1. Алимов Р. К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь мир, 2017. 336 с.
2. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 476 с.
3. Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 9 июня 2017 URL: <https://rus.sectesco.org/20170609/1602790.html> (дата обращения: 21.05.2026)
4. Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 4 июля 2024 года URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6163> (дата обращения: 21.05.2026)
5. Бишкекская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 14 июня 2019 г. URL: <https://rus.sectesco.org/20190614/1602299.html>
6. Большое Евразийское партнерство: теория и практика. Информационно-аналитический дайджест. М.: Россконгресс, 2025. 23 с.
7. Воробьев В. Новый шелковый курс. О китайской идее построения «экономического пространства Великого шелкового пути» URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novyy-shelkovyy-kurs/> (дата обращения: 21.05.2026)
8. Гатто В. М. Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. №4(15). С.23-35. <https://rus.sectesco.org/10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35>
9. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 21.05.2026)
10. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС. 17 сентября 2021 года URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (дата обращения: 21.05.2026)
11. ЕС вложил €2,5 млрд в Транскаспийский коридор Казахстана URL: <https://exclusive.kz/es-vlozhil-2-5-mlrd-v-transkaspiskij-koridor-kazahstana/> (дата обращения: 21.05.2026)
12. За пределами Шелкового пути: Исследование сложности общественного мнения о Китае в Центральной Азии URL: <https://ca-barometer.org/ru/publications/beyond-the-silk-road-navigating-the-complexities-of-central-asias-public-opinion-on-china> (дата обращения: 21.05.2026)
13. К вопросу о расширении ШОС (Справочный материал) URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731430/ (дата обращения: 21.05.2026)
14. Кортунюв А. Восемь принципов Большого евразийского партнерства URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 21.05.2026)
15. Лукин А. В., Илькаев О. Е., Тиморшина А. М. Дальнейшее развитие ШОС: проблемы и рекомендации // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.) / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО (У), 2008. С.6 – 23.
16. Малышев Д. В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>
17. Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай – Центральная Азия» URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html> (дата обращения: 21.05.2026)
18. Проект Евросоюза Global Gateway угрожает транспортным и логистическим компаниям в Центральной Азии URL: <https://statenews.ru/sng/proekt-evrosoyuza-global-gateway-ugrohaet-transportnym-i-logisticheskim-kompaniyam-v-czentranoi-azii> (дата обращения: 21.05.2026)
19. Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 16 сентября 2022 года URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 21.05.2026)
20. Соболева Е., Кривохиж С. Лидерство в многополярном мире: политика Китая в Центральной Азии. Международные процессы. 2020. №18(1). С.119-134. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.7>
21. Совместное коммюнике по итогам двадцать четвертого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 19 ноября 2025 г. URL: <https://rus.sectesco.org/20251119/2168185.html> (дата обращения: 21.05.2026)
22. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества URL: <http://kremlin.ru/supplement/6376> (дата обращения: 21.05.2026)
23. ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС). М.: Институт Ближнего Востока РАН, Институт Востоковедения РАН, 2011. 230 с.
24. Acharya A. After liberal hegemony: The advent of a multiplex world order. *Ethics & International Affairs*, 31(3), 271-285. <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/> (accessed: 21.05.2026)
25. China, Russia pledge new global order at Shanghai Cooperation summit URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/9/2/china-russia-pledge-new-global-order-at-shanghai-cooperation-summit> (accessed: 21.05.2026)
26. Connecting Europe & Asia: The EU Strategy URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/connecting-europe-asia-eu-strategy_en (accessed: 21.05.2026)
27. Cultural Diplomacy as a Key Instrument of China-Central Asia Cooperation An interview with Chinese diplomacy researcher Giulia Sciorati URL: <https://thedi diplomat.com/2023/06/cultural-diplomacy-as-a-key-instrument-of-china-central-asia-cooperation/> (accessed: 21.05.2026)

28. Garlick J. Beyond Central Asia: the ever-expanding influence of the Shanghai Cooperation Organization URL: <https://eh4s.eu/publication/beyond-central-asia-the-ever-expanding-influence-of-the-shanghai-cooperation-organization> (accessed: 21.05.2026)
29. Haenle P., Nathaniel Sh. Initiative Diplomacy: China's new rules for Global Governance, Security and Development // East Asian Policy. 2023. Vol. 15. No. 4. P.7–21.
30. Koolae E., Tishear M. New Regionalism in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // International Studies Journal. Summer 2014. Vol. 11, No. 1. P.97 – 119.
31. Mayal D.C.S. China's Global Governance Initiatives: Diplomacy-Intelligence Convergence URL: <https://www.orfonline.org/research/china-s-global-governance-initiatives-diplomacy-intelligence-convergence> (accessed: 21.05.2026)
32. Opening up New Horizons for Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics at a Crucial Historical Juncture. Keynote Speech by H.E. Wang Yi At the Symposium on the International Situation and China's Foreign Relations URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202512/t20251230_11790616.html (accessed: 21.05.2026)
33. Pantucci R. India and SCO: the real benefit URL: <https://www.gatewayhouse.in/india-and-sco-the-real-benefit/> (accessed: 21.05.2026)
34. Rocabert J. Adaptation and reemergence: the future of International Organizations URL: <https://cataloniaglobal.cat/en/adaptation-and-reemergence-the-future-of-international-organizations/> (accessed: 21.05.2026)

References

1. Alimov RK. The Shanghai Cooperation Organization: Formation, Development and Prospects. Moscow: Ves Mir, 2017. 336 p. (in Russ).
2. Asymmetries of Regional Integration Projects of the 21st Century / ed. by V.I. Mikhailenko. Yekaterinburg: Ural University Press, 2018. 476 p. (in Russ).
3. Astana Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. June 9, 2017. URL: <https://rus.sectesco.org/20170609/1602790.html> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
4. Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. July 4, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6163> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
5. Bishkek Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. June 14, 2019. URL: <https://rus.sectesco.org/20190614/1602299.html> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
6. Greater Eurasian Partnership: Theory and Practice. Information and Analytical Digest. Moscow: Roscongress, 2025. 23 p. (in Russ).
7. Vorobyov V. New Silk Road. On the Chinese Idea of Building the Economic Space of the Great Silk Road. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novyy-sheikovyy-kurs/> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
8. Gatto VM. Post-Western Order and Eurasian Multilayeredness: Regional Organizations as Instruments of Russian Foreign Policy. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2025. No. 4(15). pp. 23-35. <https://rus.sectesco.org/10.26794/2226-7867-2025-15-4-23-35> (in Russ).
9. Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
10. Dushanbe Declaration on the Twentieth Anniversary of the SCO. September 17, 2021 URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
11. The EU has invested €2.5 billion in Trans-Caspian Corridor in Kazakhstan URL: <https://exclusive.kz/es-vlozhil-2-5-mlrd-v-transkaspiskij-koridor-kazahstana/> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
12. Beyond the Silk Road: A Study of the Complexities of Public Opinion on China in Central Asia URL: <https://ca-barometer.org/ru/publications/beyond-the-silk-road-navigating-the-complexities-of-central-asias-public-opinion-on-china> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
13. On the Expansion of the SCO (Reference Material) URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731430/ (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
14. Kortunov A. Eight Principles of the Greater Eurasian Partnership URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printspov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
15. Lukin AV., Ilkaev OE., Timorshina AM. Further Development of the SCO: Problems and Recommendations // The Shanghai Cooperation Organization: From Formation to Comprehensive Development (Proceedings of the Third Session of the SCO Forum, China, Beijing, 19–21 May 2008) / ed. by A.V. Lukin. Moscow: MGIMO (U), 2008. p. 6–23. (in Russ).
16. Malyshev DV. The Shanghai Cooperation Organization and its role in the system of modern international relations (on the 20th anniversary of the SCO). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2021;13(4):81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104> (in Russ).
17. Full text of the Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
18. The EU Global Gateway project threatens transport and logistics companies in Central Asia URL: <https://statenews.ru/sng/proekt-evrosoyuza-global-gateway-ugrozaet-transportnym-i-logisticheskim-kompaniyam-v-czentranoi-azii> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
19. Samarkand Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. September 16, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
20. Soboleva E., Krivokhizh S. Leadership in a Multipolar World: China's Policy in Central Asia. *Mezhdunarodnye process*. 2020;18(1):119-134. (in Russ).
21. Joint Communiqué Following the Twenty-Fourth Meeting of the Council of Heads of Government (Prime Ministers) of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization. November 19, 2025. URL: <https://rus.sectesco.org/20251119/2168185.html> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).
22. Tianjin Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6376> (accessed: 21.05.2026) (in Russ).

23. SCO and the countries of the Near and Middle East (on the 10th anniversary of the formation of the SCO). Moscow: Institute of the Middle East, Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2011. 230 p. (in Russ).
24. Acharya A. After liberal hegemony: The advent of a multiplex world order. *Ethics International Affairs*. 31(3):271-285. <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/> (accessed: 21.05.2026)
25. China, Russia pledge new global order at Shanghai Cooperation summit URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/9/2/china-russia-pledge-new-global-order-at-shanghai-cooperation-summit> (accessed: 21.05.2026)
26. Connecting Europe & Asia: The EU Strategy URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/connecting-europe-asia-eu-strategy_en (accessed: 21.05.2026)
27. Cultural Diplomacy as a Key Instrument of China-Central Asia Cooperation An interview with Chinese diplomacy researcher Giulia Sciorati URL: <https://thediomat.com/2023/06/cultural-diplomacy-as-a-key-instrument-of-china-central-asia-cooperation/> (accessed: 21.05.2026)
28. Garlick J. Beyond Central Asia: the ever-expanding influence of the Shanghai Cooperation Organization URL: <https://eh4s.eu/publication/beyond-central-asia-the-ever-expanding-influence-of-the-shanghai-cooperation-organization> (accessed: 21.05.2026)
29. Haenle P., Nathaniel Sh. Initiative Diplomacy: China's new rules for Global Governance, Security and Development. *East Asian Policy*. 2023;15;4:7 – 21.
30. Koolae E., Tishear M. New Regionalism in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *International Studies Journal. Summer*. 2014;11;1:97 – 119.
31. Mayal D.C.S. China's Global Governance Initiatives: Diplomacy-Intelligence Convergence URL: <https://www.orfonline.org/research/china-s-global-governance-initiatives-diplomacy-intelligence-convergence> (accessed: 21.05.2026)
32. Opening up New Horizons for Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics at a Crucial Historical Juncture. Key-note Speech by H.E. Wang Yi At the Symposium on the International Situation and China's Foreign Relations URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyjh/202512/t20251230_11790616.html (accessed: 21.05.2026)
33. Pantucci R. India and SCO: the real benefit URL: <https://www.gatewayhouse.in/india-and-sco-the-real-benefit/> (accessed: 21.05.2026)
34. Rocabert J. Adaptation and reemergence: the future of International Organizations URL: <https://cataloniaglobal.cat/en/adaptation-and-reemergence-the-future-of-international-organizations/> (accessed: 21.05.2026)